

только куклы и эскизы, и то было бы интересно. Но там лежали и семейные альбомы с фотографиями, и какие-то записки. Вадим Владимирович и на своем творческом вечере, и так просто, к слову, рассказывал, как он был молодым, но я никогда его не представляла младенцем. А здесь были не только его крестильная рубашечка и чепчик (такие крохотные), и любимый плюшевый мишка, но даже венчалное платье бабушки и расшитое бисером платье мамы, которое она носила в двадцать седьмом году, незадолго до рождения сына. А вот целая стенка эскизов к "Осени патриарха", дипломной работы Марины во ВГИКе. От всего этого происходит такой странный сдвиг по времени, происходит какое-то соединение слоев.

Вообще на этой выставке, как ни странно, эскизы и прочие листы сами по себе казались не главным, хотя каждая работа в отдельности очень хороша. Может быть, еще и потому, что я многое помню по прошлым выставкам ("Художники театра и кино", например). Главное — возникающее из всех этих разнообразных предметов и текстов ощущение жизни семьи, духа семьи. Марина, как выяснилось, еще и замечательно пишет (до сих пор я знала, что она прекрасно рассказывает — в папу, его тоже можно было заслушаться). Почему-то всегда чужое детство притягивает, даже самое обычное, а здесь все это еще так вкусно написано: и про помойку Большого театра под окнами с драными пачками и стоптанными пуантами, и про поход за пластинками к спекулянту, и про отцовские подзатыльники, особенно весомые от тяжелого обручального кольца — вот никогда бы не подумала, что Вадим Владимирович мог Марине врезать. Хотя, если бы мой ребенок, да еще в годы всеобщего дефицита, превратил, пусть даже с самыми лучшими намерениями, круглые кисточки в плоские, я, может, тоже не удержалась.

Перечитала сейчас, что получается, и мне показалось, что я все существенное упустила; сплошное лирическое отступление. Может быть, надо было написать о творческом пути, например? Но мне кажется, что за одним именем Вадима Курчевского сразу столько всего встает — и телепередача "Выставка Буратино", которую я смотрела еще долго после того, как сама вышла из детского возраста, и фильма "Мастер из Кламси", "Мой зеленый крокодил", "Франтишек", "Легенда о Григе". И все-таки на такой выставке, с галстуками и плюшевым мишкой в витрине, с платьями и семей-

кружев и старые (Настины, наверное) колготки, бесстыдно выдающие рельефную структуру, кнопки (самые обыкновенные, с дырочками, какие раньше пришивали), бусинки, все вперемешку, и каждый клочок точно на месте, материал нигде не прячется, все откровенно, даже грубовато пришито, но редкая коллекционная кукла с этим сравнится. Они явно живут своей жизнью, нисколько не подделываясь под нашу. У них там — отношения, страсти. Никакую бытовую историю Марина не рассказывает, но нам все про этих, с колготочными лицами, понятно.

Дело не в том, что я так уж много знаю о героях, персонажах, авторах — кто они здесь? — этой выставки, не так уж много, на самом деле, но она была так устроена, что у каждого, кому есть что вспомнить (да наверное, любому такая выставка о чем-то напомнит), начнут постепенно всплывать воспоминания. А тот, кто случайно на нее забрел, хотя я плохо себе представляю, кто случайно забредет в такое место, уйдет уже не вполне чужим человеком. По-моему, именно так она и была задумана, а значит, все получилось.

Александра ВАСИЛЬКОВА

ПОЛЕ ЗРЕНИЯ

Н

езадолго до открытия мне говорили, что скоро будет выставка Марины Курчевской, и я обрадовалась — значит, опять увижу ее

кукол. Потом оказалось, что выставка совместная, Марины и ее отца, Вадима Курчевского, и даже, кажется, юбилейная — Вадиму Владимировичу исполнилось бы 70 лет. Значит, еще и его эскизы, совсем хорошо. И только войдя в ущелье, ведущее в Музей кино (не правда ли — вход в Музей напоминает расщелину в скале?), обнаружила афишу, обещающую историю семьи, фотографии и прочие реликвии.

Мы познакомились очень давно, в восьмидесятом году; Курчевский прислал в тогда еще советскую "Культуру" письмо с просьбой сделать материал о двух мастерах кукольного объединения "Союзмультильма", и я оказалась на студии, тогда еще не изгнанной из церкви на Песках. Заметка, конечно, была та еще, что-то такое "о людях хороших". Потом писала о мультфильме Курчевского "До свиданья, овраг", то есть попала уже в павильон. Это все на самом деле несущественно, просто объясняю, почему мне так безразличны были собаки, персонажи фильма, стоявшие в витрине. Забавно было, что смотрительница объясняла, из чего они сделаны, — "это дерево, не пластилин никакой!", и что все у них двигается — я то их всех в руках держала.

Даже если бы на выставке были

Отец и дочь

ными фотографиями больше всего хочется не рассуждать, а вспоминать. И одно неотделимо от другого. И то, как Вадим Владимирович занимался со мной композицией, просто так — я приносила работы, он смотрел, объяснял, поправлял. Я тогда не понимала, как мне повезло, так интересно было — павильон, декорации, куклы, собака студийная, не кукольная — настоящая.

Были на выставке еще и портреты. Настя нарисовала дедушку, Вадим Владимирович — Марину и так далее. Вот написала про Настю, которая сейчас вполне взрослая девица, и вспомнила, как я в первый раз ее увидела, ей было полтора года, она была беленькая, деревенский ребенок, совсем непохожая на себя теперешнюю. (Вадим Владимирович, как-то рисуя план своей квартиры, объяснял: Вот здесь мы живем. Здесь книги стоят. Здесь пеленки сушатся). А сейчас все та же общительная музейная работница с невероятной гордостью показывала — вот, уже и Настя кукол делает.

И все-таки главной приманкой для меня были куклы, которые делает Марина. Хотя на выставке было много и других ее работ: и графика, и роспись по тканям — ничего подобного этим куклам я не видела. Официально это называется "текстильная скульптура". Отрваться от них невозможно, ходишь и ходишь вокруг. Русалка, корабль, аэроплан, рыбы, слившиеся в объятья парочки, яркие, пестрые лоскутки, обрезки

Экран и сцена —

ПОЛЕ ЗРЕНИЯ

Неиздолго до открытия мне говорили, что скоро будет выставка Марины Курчевской, и я обрадовалась — значит, опять увижу ее кукол. Потом оказалось, что выставка совместная, Марины и ее отца, Вадима Курчевского, и даже, кажется, юбилейная — Вадиму Владимировичу исполнилось бы 70 лет. Значит, еще и его эскизы, совсем хорошо. И только войдя в ущелье, ведущее в Музей кино (не правда ли — вход в Музей напоминает расщелину в скале?), обнаружила афишу, обещающую историю семьи, фотографии и прочие реликвии.

Мы познакомились очень давно, в восьмидесятом году; Курчевский прислал в тогда еще советскую "Культуру" письмо с просьбой сделать материал о двух мастерах кукольного объединения "Союзмультифильма", и я оказалась на студии, тогда еще не изгнанной из церкви на Песках. Заметка, конечно, была та еще, что-то такое "о людях хороших". Потом писала о мультфильме Курчевского "До свиданья, овраг", то есть попала уже в павильон. Это все на самом деле несущественно, просто объясняю, почему мне так небезразличны были собаки, персонажи фильма, стоявшие в витрине. Забавно было, что смотрительница объясняла, из чего они сделаны, — "это дерево, не пластилин никакой!", и что все у них двигается — я то их всех в руках держала.

Даже если бы на выставке были

только куклы и эскизы, и то было бы интересно. Но там лежали и семейные альбомы с фотографиями, и какие-то записки. Вадим Владимирович и на своем творческом вечере, и так просто, к слову, рассказывал, как он был молодым, но я никогда его не представляла младенцем. А здесь были не только его крестильная рубашечка и чепчик (такие крохотные), и любимый плюшевый мишка, но даже венчальное платье бабушки и расшитое бисером платье мамы, которое она носила в двадцать седьмом году, незадолго до рождения сына. А вот целая стенка эскизов к "Осени патриарха", дипломной работы Марины во ВГИКе. От всего этого происходит такой странный сдвиг по времени, происходит какое-то соединение слоев.

Вообще на этой выставке, как ни странно, эскизы и прочие листы сами по себе казались не главным, хотя каждая работа в отдельности очень хороша. Может быть, еще и потому, что я многое помню по прошлым выставкам ("Художники театра и кино", например). Главное — возникающее из всех этих разнообразных предметов и текстов ощущение жизни семьи, духа семьи. Марина, как выяснилось, еще и замечательно пишет (до сих пор я знала, что она прекрасно рассказывает — в папу, его тоже можно было заслушаться). Почему-то всегда чужое детство притягивает, даже самое обычное, а здесь все это еще так вкусно написано: и про помощника Большого театра под окнами с драмными пачками и стоптанными пуантами, и про поход за пластинками к спекулянту, и про отцовские подзатыльники, особенно весомые от тяжелого обручального кольца — вот никогда бы не подумала, что Вадим Владимирович мог Марине врезать. Хотя, если бы мой ребенок, да еще в годы всеобщего дефицита, превратил, пусть даже с самыми лучшими намерениями, круглые кисточки в плоские, я, может, тоже не удержалась.

Перечитала сейчас, что получается, и мне показалось, что я все существенное упустила; сплошное лирическое отступление. Может быть, надо было написать о творческом пути, например? Но мне кажется, что за одним именем Вадима Курчевского сразу столько всего встает — и телепередача "Выставка Буратино", которую я смотрела еще долго после того, как сама вышла из детского возраста, и фильмы "Мастер из Кламси", "Мой зеленый крокодил", "Франтишек", "Легенда о Григе". И все-таки на такой выставке, с галстуками и плюшевым мишкой в витрине, с платьями и семей-

ными фотографиями больше всего хочется не рассуждать, а вспоминать. И одно неотделимо от другого. И то, как Вадим Владимирович занимался со мной композицией, просто так — я приносила работы, он смотрел, объяснял, поправлял. Я тогда не понимала, как мне повезло, так интересно было — павильон, декорации, куклы, собака студийная, не кукольная — настоящая.

Были на выставке еще и портреты. Настя нарисовала дедушку, Вадим Владимирович — Марину и так далее. Вот написала про Настю, которая сейчас вполне взрослая девица, и вспомнила, как я в первый раз ее увидела, ей было полтора года, она была беленькая, деревенский ребенок, совсем непохожая на себя теперешнюю. (Вадим Владимирович, как-то рисуя план своей квартиры, объяснял: Вот здесь мы живем. Здесь книги стоят. Здесь пленки сушатся). А сейчас все та же общительная музейная работница с невероятной гордостью показывала — вот, уже и Настя кукол делает.

И все-таки главной приманкой для меня были куклы, которые делает Марина. Хотя на выставке было много и других ее работ: и графика, и роспись по тканям — ничего подобного этим куклам я не видела. Официально это называется "текстильная скульптура". Оторваться от них невозможно, ходишь и ходишь вокруг. Русалка, корабль, аэроплан, рыбы, слившиеся в объятья парочки, яркие, пестрые лоскутки, обрезки

кружев и старые (Настины, наверное) колготки, бесстыдно выдающие рельефную структуру, кнопки (самые обыкновенные, с дырочками, какие раньше пришивали), бусинки, все вперемешку, и каждый клочок точно на месте, материал нигде не прячется, все откровенно, даже грубовато пришито, но редкая коллекционная кукла с этим сравнится. Они явно живут своей жизнью, нисколько не подделываясь под нашу. У них там — отношения, страсти. Никакую бытовую историю Марина не рассказывает, но нам все про этих, с колготочными лицами, понятно.

Дело не в том, что я так уж много знаю о героях, персонажах, авторах — кто они здесь? — этой выставки, не так уж много, на самом деле, но она была так устроена, что у каждого, кому есть что вспомнить (да наверное, любому такая выставка о чем-то напомнит), начнут постепенно всплывать воспоминания. А тот, кто случайно на нее забрел, хотя я плохо себе представляю, кто случайно забредет в такое место, уйдет уже не вполне чужим человеком. По-моему, именно так она и была задумана, а значит, все получилось.

Отец и дочь

Александра ВАСИЛЬКОВА

Экран и сцена -

№ 28 (444), июль 1998 года

- 97.